

*Ник. Бер. <Бережанский Ник.> «Вишневый сад» – премьера в
Русской Дrame // Слово (Рига). 1928. 4 января. № 732. С. 8.*

„Вишневый садъ“ — премьера въ Русской Драмѣ.

По традиціи такъ повелось, что съ понятіемъ о пророчествѣ обязательно связаны грома, гласы и трубы. Поэтому, когда Чеховъ написалъ «Вишневый садъ» — это страшное пророчество о близкой и неминуемой, неотвратимой, какъ рокъ, гибели Россіи, и горько оплакалъ эту гибель такими слезами, изолнованнаго и потрясеннаго сердца, мы не услышали ни пророчества, не замѣтили и самихъ слезъ. Мы отнеслись къ «Вишневому саду», какъ къ очаровательному драматическому произведенію, какъ въ талантливо сдѣланной изысканной игрушкѣ, подаренной избалованнымъ и привередливымъ дѣтямъ. Трагизмъ пьесы мы видѣли не въ фазической гибели вишневаго сада, а въ надругательствахъ практическаго начала надъ эстетикой, въ томъ, что тѣмъ или инымъ, хорошихъ, трогательныхъ въ своей практической безпомощности Раневскихъ и Гаевыхъ жестоко и несправедливо (?) обидѣлъ «хамъ» и «мужикъ» Лопахинъ, вырубающій «красоту» для того, чтобы на ея мѣстѣ соорудить полезное. Мы вѣдь тогда такъ были влюблены въ красоту и такъ презирали и брезгливо отворачивались отъ «практическаго» и «полезнаго».

Теперь же, когда нашъ прекрасный, благоуханный вишневый садъ, Россія,

вырубается уже не топорами лопахинскихъ работниковъ, расчищающихъ мѣсто для доходныхъ дачъ, а пошелъ на дрова, на растопку пожара міровой ретроградіи, многое уже кажется другимъ и «Вишневый садъ» поворачивается къ зрителю не эстетической, а настоящей своей стороной, пророческой, которую мы, «ужасно страшные эстеты», въ свое время прослушали и прогладѣли.

И уже не симпатію и трогательную жалость вызываютъ въ насъ эти «обиженные» Раневскіе и Гаевы, преступно безпечные, возмутительно легкомысленные хозяева прекраснаго вишневаго сада, проѣвшие его, по выраженію Гаева, «на леденцахъ», проплясавшіе и распаяжировавшіе его по заграницамъ, а вызываютъ «насмѣшку горькую обманутаго сына и надъ промотавшимся отцомъ.»

И не «хамомъ», и не «мужикомъ» кажется теперь намъ Лопахинъ, а настоящимъ волевымъ человѣкомъ серьезнаго настоящаго дѣла, понимающимъ, чего онъ хочетъ и не понимающимъ людей на словахъ «обожавшихъ» свой садъ, но безпечно танцующихъ на занятыхъ въ долгъ деньги даже въ рововой день аукціона. Такъ проплясали и распаяжирили и мы огромный, богатый, полный поэзіи и кра-

соты вишневый садъ, называвшійся Россіей, огрызаясь между танцами и эстетизмомъ на «грубыхъ» апологетовъ практицизма, вроде Струве или Бердяева, которые, — о, верхъ дерзости! — шились поставить дѣлового хозяина-практика, создающаго творца матеріальностей въ одинъ рангъ съ поэтомъ и музыкантомъ.

Такъ по крайней мѣрѣ, какъ показалось пишущему эти строки, подошла Русская Драма къ вчерашнему «Вишневому саду». Намъ вчера показали зеркало, въ которомъ мы увидѣли самихъ себя, негодяевъ и неграмотныхъ хозяевъ нашего вишневаго сада. Увидѣли и самый обреченный прекрасный садъ и слышали звукъ топоровъ, рубившихъ прекрасныя деревья, бѣгъ съ розовымъ.

Хорошее нужное дѣло сдѣлала Драма, поставивъ намъ это зеркало; особенно для молодого поколѣнія, которое неповинно въ грѣхахъ легкомысленныхъ промотавшихся отцовъ, но которое вправѣ и обязано призвать насъ, отцовъ, къ отвѣту: какъ вы смѣли промотать и проплясать вашъ вишневый садъ, равнаго которому по красотѣ нѣтъ во всемъ мірѣ, вы, бѣлоручки, праздные эстеты и суетовы, пальцемъ не ударившіе, чтобы сласти наследство пред-

Играли «Вишневый садъ» такъ, какъ можно играть въ пьесѣ, которая талантливѣе артистовъ. Классическіе образы, созданные Станиславскимъ и Книпперъ въ Гаевѣ и Раневской послѣ 200—300 репетицій, разумѣется, мѣшали отдалиться непосредственному впечатлѣнію отъ игры г-жи Штенгель и Булатова. Но зато была обязательна и трогательна и въ радости, и въ страданіи — г-жа Ведринская. Сильно, крѣпко, жизненно правдиво по образцамъ «художественниковъ» игралъ г-нъ Балабановъ (Лопахинъ), подкупающій, «обтѣзляющій» — г. Юрозскій, отличный Нищій — г-нъ Астаровъ. Сочно, хотя и съ небольшимъ шаржемъ «подать» Епиходота г-нъ Яковлевъ. Многое отъ Артема (то не въ порицаніе, а именно въ похвалу), и у г-на Бѣльскаго (Фирсъ). Тепло и задушевно просто провела роль Вари г-жа Кузьмина. Шарлотта Ивановна (г-жа Астарова) также дана по лучшимъ русскимъ образцамъ «Вишневаго сада», и переигрывалъ только г-нъ Токаревичъ (лавой Яша).

Въ театрѣ было такое большое количество нѣмецкой публики, что въ нѣмецкой рѣчѣ потонула русская рѣчь.

Явленіе, во всякомъ случаѣ, знаменательное. Ник. Бер.